
ПОСЛЕДНИЕ УДАРЫ

1

Подходил к концу 1944 год. И, как всегда, в последние декабрьские дни между полетами, учебными занятиями, будничной фронтовой службой в полку начиналась незатейливая и милая сердцу предновогодняя суетня.

Стало уже традицией, что в ночь под Новый год оглашался приказ по полку, подводивший итоги минувших боев. Лучшим, отличившимся в полетах, в трудной и благородной работе на аэродроме, выражалась благодарность командования.

А сколько благодарностей и добрых пожеланий на будущее получала каждая девушка от своих подруг! Все писали друг другу поздравления, порой в стихах, никто не оставался обойденным.

Как бы ни складывалась обстановка на фронте, выпускался специальный номер полкового «Крокодила» с шуточными приветствиями. Тут были и стародавние гадания на новый лад и эпиграммы, над которыми дружно смеялись все, в том числе и их «жертвы». И, конечно, полковые «крокодильцы» во главе с Надей Тропаревской всегда находили едкие слова для характеристики увядающих новогодних мечтаний фашистов, ненависть к которым неразрывно сочеталась у девушек с презрением.

А когда старый год уступал место новому, девушки собирались в дружеском кругу и приветствовали «новорожденного», давали ему напутствие, смахивающее на боевой приказ о решающем штурме...

Правда, нередко случалось так, что эти торжественные новогодние встречи проводились по фронтовому календарю, то есть тогда, когда позволяла боевая обстановка.

В ночь под 1944 год Вера Тихомирова была в полете.

Стояла лютая стужа, в воздухе клубился туман, а вдобавок у цели оказалось столько прожекторов и зениток, что Вера просто запомнила о том, что приближается символический час смены годов. Она ничего не видела,

кроме цели, ни о чем более не думала, кроме одного — надо ударить по скоплению фашистских танков, ударить точно, сильно!

И вот — взрывы...

Машина, выскользнув из сети прожекторных лучей, легла на обратный курс. На душе у Веры стало легко и весело.

Вдруг до нее донеслось:

— С Новым годом, Веруша!..

Это сказала штурман.

— С Новым годом, с новым счастьем! — ответила Вера.

Штурман уже тянулась к ней с яблоком, ароматным и сочным, припасенным чуть ли не с осени.

В полете встретили этот Новый год и Лиза Казберук с Валей Пустовойтенко.

— Смотри, каким фейерверком нас встречают! — бросила Валя в переговорную трубку, когда они подлетели к цели, над которой сверкали и гремели снаряды, металась прожекторные лучи.

— А мы им подбавим кое-что к этой иллюминации, — ответила Лиза.

И подбавили, да так, что все горело и ухало кругом до утра — бомба попала в склад боеприпасов.

Но в ночь на следующий, 1945 год летать нельзя было — все затянуло плотными, низко нависшими облаками. Девушки шутили:

— Чудесное предзнаменование: год великих надежд, год нашей победы приходит в тишине!

Они хорошо подготовились принять его. Привезли несколько елок. Одну, побольше, установили в столовой, остальные — по эскадрильям. Девушки стали принаряживать их с таким увлечением, словно вернулись к годам счастливого детства.

Все разговоры, все мысли были о том, что будет на другой день после войны.

— Ты представляешь себе, Ира, где будешь встречать тысяча девятьсот сорок шестой год? — спросила штурман Лида Целовальникова своего пилота Ирину Себрову.

— Трудно себе это представить, — ответила спокойная, рассудительная Ирина. — Тут, знаешь, фантазия нужна...

— А я знаю. Ты выйдешь замуж за своего Сашу Хоменко, будете встречать Новый год в Москве и вспоминать, как три года назад встретились в Хачмасе, в ремонтных мастерских.

— Так-то так... — сдержанно улыбнулась Ирина. — Но путь к этому ведет через Берлин. Вот когда дойдем...

— Ну и дойдем, конечно! Теперь уже недалеко.

В помещении штаба полка тихо. Штабные работники тоже отдались мечтам.

— Интересно знать, в каком платье ты будешь встречать Новый год

На досуге. Тоня Рудакова, Таня Масленникова и Соня Лаврентьева

в будущем году, какую прическу сделаешь? — спросила Ирина Ракобольская своего ближайшего друга и помощника Аню Еленину.

— Уж, конечно, не в гимнастерке, — засмеялась Аня. — Не представляю себе только, что мы с тобой расстанемся, что у нас не будет общей работы, общих забот...

— А это может случиться. Вдруг тебя демобилизуют, а меня оставят в армии. Прощай тогда университет. Хоть бы в военную академию попасть...

В комнату вошли Сапа Акимов и Катя Доспанова. После аварии на аэродроме в Славянской Катя не смогла вернуться к штурманской работе, и ее перевели в штаб начальником связи.

— Вот двое, которые так ясно видят свое «завтра» после окончания войны, — сказала Ракобольская.

— Это вы о чем, все о будущем? — вступила в разговор Акимов. — Да, я вернусь к науке, это решено. Авиацию, конечно, люблю, а штурманское дело — в особенности, но военное дело не по мне. Вот кончу исторический факультет, а там видно будет.

— А ты, Катя?

— Я? Что тут спрашивать! Не быть же мне вечно связисткой! Надо будет закончить образование и вернуться в свой Казахстан. Знаете, как вы-

росла моя республика за годы войны. О-о! Казахстану сейчас нужны люди как никогда!

— Ты права, Катюша. А вот Маринка...

— Это ты о Чечневой? У нее тоже прямая дорога — авиация! Воздух — ее стихия.

— Да я не о том. Я подумала, что она больше, чем все мы, оторвана от семьи. Давайте напишем ей поздравительное письмо к Новому году!

— Давайте!

Во всех комнатах общежития девушки пишут новогодние послания. Вот Женя Жигуленко большими буквами с многими восклицательными знаками строчит своей подруге:

«Милая моя Женюшка! С Новым годом! Да будет он счастливым! Поднимем бокалы за исполнение всех желаний, за победу, за счастливое будущее. И еще желаю, чтобы ты влюбилась!

Эй, музыканты, играйте веселее! Будущий Новый год будем встречать вместе. Ты не веришь? Даю тебе слово летчика-гвардейца. Сейчас выпьем, а завтра — воевать! Целую тебя».

Встреча Нового года прошла весело, шумно. Перед последним решающим ударом полк, как всегда, был дружен и сплочен. Гостям из братского бочаровского полка казалось, что они попали в тесный семейный круг.

2

Война шла к концу.

1944 год завершился изгнанием гитлеровских войск из пределов Советского Союза. Наша государственная граница, вероломно нарушенная фашистами 22 июня 1941 года, была восстановлена на всем протяжении от Черного до Баренцева моря. Закончив освобождение родной земли, Советская Армия пошла на помощь другим народам, поработанным фашизмом, перенесла боевые действия на вражескую территорию.

Летом 1944 года правящие круги США и Англии, увидев, что Советская Армия может освободить своими силами всю Европу, открыли, наконец, второй фронт на Западе. Но и после этого главные силы гитлеровской армии продолжали оставаться на советско-германском фронте, в четыре раза превышали количество дивизий, действовавших против англо-американских войск. Несмотря на слабость врага на Западе, войска США и Англии не только не могли одолеть его, но сами чуть было не потерпели катастрофу. В декабре 1944 года фашисты перешли в наступление в районе Ардени, во Франции, нанеся сокрушительное поражение американским и английским войскам, превосходящим их по численности и вооружению. Черчилль взмолился к СССР о помощи. Советский Союз, как всегда, достойно выполняя свой союзнический долг, учитывая тяжелое положение армий США и

Англии, ускорил подготавливавшееся новое наступление наших Вооруженных Сил.

Двенадцатого января 1945 года Советская Армия обрушила на врага небывалый по мощи удар на всем фронте, от Балтики до Карпат. Войска под командованием маршалов Жукова, Конева и Рокоссовского рвались к сердцу фашистской Германии. И 12 же января фашисты прекратили свое наступление на Западе, начав перебрасывать отсюда войска на Восток.

Вместе со всей Советской Армией перешёл в наступление и тот фронт, в состав войск которого входила Таманская Гвардейская авиационная дивизия. Он штурмовал Восточную Пруссию.

В первый же день наши войска, форсировав водный рубеж, прорвали линию обороны и отбросили фашистскую армию на пять — восемь километров к северо-западу. В прорыв двинулась лавина танков и самоходных орудий. Противник, опираясь на свои долговременные оборонительные сооружения и водные преграды, оказывал отчаянное сопротивление. Шли ожесточенные бои. С каждым днем линия фронта отодвигалась к границам Восточной Пруссии.

Теперь женскому авиационному полку, отставшему из-за плохой погоды, надо было догнать ушедшую далеко вперед пехоту. Полк перебрався из Далеке на новую площадку, севернее Млавы.

Перед вступлением в новую, завершающую полосу боев был созван общеполковой митинг. Знаменосцы вынесли вперед Гвардейское знамя. Командир полка Бершанская, стоя у развернутого знамени, сказала:

— Мы с вами прошли путь от Терека до Вислы. Части Советской Армии освободили нашу Родину. На своем пути мы видели разрушенные города и села, уничтоженные памятники культуры. Варвары-фашисты принесли колоссальные бедствия нашей Родине, всему прогрессивному человечеству. Среди нас нет человека, которому враг не причинил бы зла. Отдадим все силы на разгром врага! Необходимо, чтобы каждая бомба попала в цель! Сокрушим врага в его собственной берлоге, водрузим знамя победы над Берлином!

Полк был хорошо подготовлен к завершающей кампании. Призыв «Вперед, на Берлин!» означал желанную победу, а за нею — мир. Двенадцать женщин выступили на митинге, и речи их дышали гневом и ненавистью к фашизму, волей к разгрому врага, к миру.

Началась полоса трудных, напряженных боевых ночей.

3

Путь полка лежал на северо-запад — к Данцигу и Гдыне. Летали так называемым «Данцигским коридором» — исконными славянскими землями, захваченными фашистскими агрессорами. Наряду с общими боевыми зада-

чами полку ставились и специальные: он помогал нашим наземным частям, удалявшимся от своих баз, быстрой доставкой боеприпасов и горючего, подвоз которых автотранспортом был затруднен из-за глубокого снега и грязи. В этих случаях маленькие бомбардировщики превращались в транспортные самолеты. Много летали и на разведку, часто приходилось определять местонахождение наших передовых частей и скрытых частей противника.

Все, от летчиков до вооруженцев, горели желанием громить врага, рвались в бой. Когда однажды штурман полка Лариса Розанова предложила Саше Акимовой уступить ей место в штурманской кабине, Акимова очень обиделась, даже ходила жаловаться на несправедливость. Отстранение от полетов по какой-либо причине возмущало девушек.

Штаб дивизии предложил составить список летчиц, желающих летать днем. На «По-2» это было очень опасно, но все экипажи, как один, заявили: «Будем летать днем, хотим летать, лишь бы приблизить час победы!».

Замечательный дневной полет совершила Зоя Парфенова.

Одна, без штурмана, она направилась в тыл противника, чтобы доставить нашей части несколько ящиков с боеприпасами. Самолет был обстрелян ружейно-пулеметным огнем. Парфенова, раненная в ногу, все же вывела его из зоны обстрела.

Заметив, что гитлеровцы собираются зайти в тыл нашим артиллерийским позициям, она приземлилась у позиций артиллеристов, сдала боеприпасы и предупредила об опасности. Артиллеристы наскоро сделали ей перевязку. Она улетела и благополучно вернулась на свой аэродром. Только после рапорта о выполнении задания Зоя отправилась в госпиталь.

Наташе Меклин также пришлось доставлять боеприпасы нашим войскам.

«Погода была унылая, — вспоминает Наташа, — то и дело низкие тучи проходили над аэродромом, падал снег. Изредка прояснялось на короткое время.

На плоскости моего самолета вооруженцы привязали несколько ящиков с патронами, их надо было сбросить в определенном месте, где на земле выложат условный знак.

В этом районе мы летали впервые — все было ново. Мой штурман Нина Реуцкая хорошо ориентировалась. На небольшой высоте мы подлетели к месту назначения.

Условный знак был подан после того, как мы сделали круг. Снизлись метров до тридцати. У костров стояло несколько бойцов. Нина стала дергать за веревку, чтобы сбросить ящики, но не тут-то было. Ящики ни за что не сползали с плоскости. Мне пришлось заходить еще несколько раз. А Нине вылезать на левое крыло, затем на правое и сталкивать ящики руками.

Когда мы, наконец, освободились от груза, пошел снег, низкая облачность плотно заволокла небо. С трудом добрались до своего аэродрома.

Много экипажей вернулось, не долетев до цели. Успела выполнить задание только Нина Распопова, которая вылетела вскоре после нас».

Несмотря на крайне неблагоприятную погоду, полеты на разведку и на доставку боеприпасов нашим частям шли непрерывно. Выполнив задание, экипажи возвращались нередко с пробоями в плоскостях.

Это было уже на территории врага, в стародавней вотчине прусского милитаризма.

Советские люди, загнанные сюда на рабский труд, перед отступлением гитлеровцев попрятались в подвалах, в землянках, лесах. Теперь они выходили на свет изможденные, больные, но светившиеся счастьем.

Наши войска двигались вперед...

4

Вторая половина февраля застала полк в городке Слупе.

Аэродром в Слупе запомнился по непролазной грязи. Но летать надо было. Командиру полка майору Бершанской пришла в голову удачная мысль: построить деревянный настил длиной в двести метров и шириной метров тридцать и использовать его как взлетно-посадочную площадку. Так и сделали.

Стоят самолеты в грязи. Раздается команда: «Раз, два ухнем!», и группа девушек на руках вытаскивает машину на помост.

Потом приносят ведра с бензином, заливают бак, подносят и подвешивают бомбы. Пока мотор не наберет максимума оборотов, техники и вооруженцы держат самолет за плоскости, иначе он не сможет взлететь с настила. Летчица Лера Рыльская писала в своем дневнике:

«Задача в эту ночь была — подавить огневые точки в районе города Нойенбурга, к которому подходили наши наземные войска.

Мы склонились над картами, изучая район. Линия боевого соприкосновения близко подходила к городу с севера и юга, а с востока от города нас отделяла широкая холодная Висла. За этим водным рубежом располагался передний край обороны противника, который нам предстояло «обработать».

Ночь была темная. Облачность ниже 400 метров. Шел снег. Тяжело нагруженные машины с трудом отрывались от помоста и шли на цель.

Город горел. На десятки километров было видно отраженное в облаках зарево.

С высоты 300—400 метров этот чужой город на прибрежном холме вставал явственно со всеми деталями: тонким шпилем костела, темными коробками домов и прямыми улицами. Висла была мертва.

Справа, слева и впереди строчили голубыми трассами крупнокалиберные пулеметы. Но бомбы рвались. Это работали наши подруги.

К исходу ночи на южной окраине Нойенбурга взвились белые ракеты —

наши передовые части подошли вплотную к городу. Мы уходили домой, встречая розовый рассвет. Днем Нойенбург был взят...».

С деревянного настила в Слупе было произведено свыше пятисот вылетов.

В дальнейшем такие деревянные площадки делались шире и длиннее. Полк сделал с них около трех тысяч боевых вылетов.

Враг продолжал упорно сопротивляться.

Экипаж Меклин—Реуцкой, вылетев на бомбометание, попал под сильный зенитный обстрел. Выйдя из огня, штурман заметила, что одна из зенитных точек ведет обстрел другого нашего самолета. Наташа Меклин направила свой самолет на вражескую огневую точку, и Нина Реуцкая уничтожила ее пулеметным огнем.

Успешно летали экипажи Ульяненко — Голубевой, Себровой — Целовальниковой, Никулиной — Рябовой, Поповой — Гашевой.

В разгар этих боев полк торжественно отметил 27-ю годовщину Советской Армии.

5

В день 27-й годовщины Советской Армии, 23 февраля 1945 года, был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Героя Советского Союза девяти девушкам-гвардейцам. Героями Советского Союза стали Надежда Попова, Руфина Гашева, Екатерина Рябова, Ирина Себрова, Наталья Меклин, Евгения Жигуленко. Посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза Вере Белик, Татьяне Макаровой, Ольге Санфировой.

«Правда» откликнулась на награждение девушек-авиаторов большой корреспонденцией, озаглавленной «Девятка отважных».

Да, это были отважные, беззаветно преданные своему долгу советские девушки-патриотки. Все они пришли в полк добровольно, по зову сердца. Тогда они делали только первые самостоятельные шаги в жизни. И вот они стали зрелыми воинами, членами великой Коммунистической партии. Они закалялись в боях, смело смотрели в глаза смерти, и у каждой за плечами было по 700—800 ночных боевых вылетов.

Как всегда бывает в такие торжественные минуты, награжденные заново переживали в памяти весь пройденный за эти годы путь. Скоро три года они на фронте. Как много испытано, сделано!

Командир полка Е. Д. Бершанская, любовно поздравляя девушек с высокой наградой, вспоминала боевой путь каждой из них.

«Вот Руфина Гашева, — думала Бершанская. — Кажется, ни у одной девушки не было таких тяжелых переживаний, какие выпали на ее долю.

Нельзя сказать, чтобы ей сопутствовало «летное счастье». Руфине — двадцать четыре года, но в ее волосах не мало серебряных прядей. Зато какая огромная внутренняя сила светится в ее глазах!

А вот Ирина Себрова. Это скромный и доблестный труженик. Она заслужила высокое звание Героя своим мужеством и мастерством, дисциплинированностью, выдержкой и умением во-время оценить обстановку и во-время принять решение».

Бершанская знала, что не мало летчиц после аварии долго не могли приступить к полетам или летали с крайним напряжением. Она вспомнила, как Себрова еще перед вылетом на фронт потерпела аварию. После этого Бершанская внимательно следила за ней и иногда нарочно не выпускала в полет, чтобы дать ей возможность отдохнуть. Но Ирина упорно рвалась в бой и по числу боевых вылетов обогнала своих подруг.

«А Женя Жигуленко... Кто мог бы еще три года назад подумать, что эта красивая девушка, с порывистой, горячей натурой, «сорви-голова», станет таким примерным бойцом, парторгом эскадрильи!».

Так думала о награжденных командир полка.

А как отнеслись сами награжденные девушки к высокой оценке правильностью их боевой работы?

«У меня было такое чувство, как и при получении первого ордена, — вспоминала впоследствии Ирина Себрова, — мне казалось, что я еще не заслужила такой награды, что я как будто недостойна Золотой Звезды. Как же быть? Нужно, стало быть, воевать еще лучше, еще крепче бить врага!».

В этих простых, искренних словах выразила Себрова мысли и чувства своих подруг. Они были счастливы. Они принимали многочисленные поздравления и приветствия, приходящие из далекого тыла, а по ночам продолжали летать с еще большим пылом, честно и добросовестно выполняя свою гвардейскую клятву.

6

Войска 2-го Белорусского фронта к концу февраля подошли почти вплотную к берегам Балтийского моря. Настала пора и полку передвинуться дальше на северо-запад. Полк перелетел в прусский городок Тухоля.

В следующую же ночь после перебазировки на новый аэродром Ирина Себрова и Лариса Розанова вылетели на боевое задание. Подойдя к цели, сбросили бомбы. Вспыхнуло большое пламя, сопровождавшееся рядом мелких вспышек.

— Куда это мы попали? — спросила Ира своего штурмана.

— Похоже, что рвутся патроны, — ответила Розанова.

Следовавший за ними экипаж Тепикиной — Гламаздиной, заметив частые вспышки, решил сбросить свой бомбовой груз на ту же цель. Небо снова озарилось еще большим количеством вспышек.

Потом наши наземные части сообщили, что ночью легким бомбардировщиком был взорван большой вражеский склад патронов.

...Полк готовился к празднованию Международного женского дня — 8 марта.

Зал городского театра преобразился. Вместо кресел в партере расставили праздничные столы с угощением.

На празднование приехал командующий фронтом маршал К. К. Рокоссовский в сопровождении нескольких генералов.

Маршал приступил к вручению правительственных наград.

Прежде всего он вручил медали «Золотая Звезда» и ордена Ленина шести новым Героям Советского Союза. Затем началось вручение наград другим девушкам. Награжденных орденами и медалями было свыше семидесяти человек. Они шли одна за другой, и подруги следили за ними, затаив дыхание, любуясь и гордясь.

Вот к столу подошла мастер по электроприборам Вера Бондаренко. Маршал нагнулся к ней, крепко пожал руку и улыбнулся.

«Такая маленькая, а вся грудь в орденах!» — так была понята его улыбка, и по залу прошел легкий гул.

Радостной неожиданностью было вручение маршалом грамоты ЦК ВЛКСМ комсомольской организации полка.

Комсорг полка Саша Хорошилова, получая грамоту, заверила командующего, что комсомольская организация сумеет оправдать эту высокую награду.

Маршал нагнулся к Хорошиловой (она ростом была одной из самых маленьких в полку; меньше ее была только Лида Целовальникова) и спросил:

— В чем нуждается ваша комсомольская организация? Чем командование фронтом может ей помочь?

— Благодарю вас, товарищ маршал, наша организация ни в чем не нуждается.

— А может быть, вы лично в чем-нибудь нуждаетесь? — спросил маршал, улыбаясь.

Тут Хорошилова набралась храбрости и, подбадриваемая поощрительным взглядом Бершанской, выпалила:

— Ко мне сегодня приехал в гости мой друг, а его не впускают в зал, он стоит на улице... Это капитан танковых войск Архангельский.

— Так это очень легко поправить, — сказал Рокоссовский.

И не успела взволнованная Хорошилова оглянуться, как в зал вошел капитан Архангельский, с которым она познакомилась в боях.

Капитан, проехавший в этот день 300 километров и не ожидавший попасть в такую торжественную обстановку, был крайне смущен. Командую-

щий пригласил его занять место за праздничным столом рядом с Хорошиловой. Это пришлось по душе всем.

От имени удостоенных звания Героя Советского Союза выступила Женя Жигуленко. Она сказала:

— Получая эту высокую награду, мы клянемся отдать все свои силы, а если понадобится — и жизнь во имя Родины. Спасибо нашей партии и Советскому правительству за высокое доверие!

Затем поднялся маршал Рокоссовский.

— Я слышал легенду о вашем полку, когда еще командовал Первым Белорусским фронтом, — сказал он. — Мне казалось это сказкой. Теперь я вижу, что это было. Говорят, что вы не хотите принимать к себе в полк мужчин. Это хорошо. Вы и сами дойдете до Берлина. Выпьем же за ваш девичий полк!

Командующий и сопровождающие его лица оставались еще некоторое время в зале, беседовали с девушками, разделяя их радость.

Праздник надолго запомнился полку. А на следующий день продолжались фронтовые будни.

7

Боевые действия гвардейцев-таманцев в последний период войны отличались большой напряженностью.

В марте на южном побережье Балтийского моря часто дуют влажные ветры, нависают туманы, падает мокрый снег. Преобладает погода, считающаяся в мирное время нелетной. А летать было необходимо. Враг еще сильно огрызался.

Особенно запомнилась девушкам одна выюжная, снежная ночь, когда эскадрильи вели боевую работу в районе Гдыни. Части 2-го Белорусского фронта уже заняли курорт Цопоты и ряд других пунктов на Балтийском побережье, развелили силы противника на две группы — гдынскую и данцигскую. Теперь предстояло ликвидировать каждую из этих групп в отдельности.

Экипажи удачно отбомбились, когда сплошной снегопад застал весь горизонт. Самолеты ветром стало относить на восток. Одни вынуждены были приземлиться у линии железной дороги в семнадцати километрах от своего аэродрома, другие — на озерах, в районе которых еще могли остаться вражеские войска, третьи залетели в Грауденцу.

На аэродроме — тревожное ожидание. Днем все экипажи вернулись, за исключением одного — Серебряковой—Павловой. Были организованы поиски, не давшие никаких результатов. И только спустя две недели след пропавших отыскался.

Что же случилось с пропавшим экипажем? Летчик Клава Серебрякова была ранена над целью. Превозмогая боль, она взяла курс на запасной аэродром в Мариенвердере, перелетела через Вислу, но тут была отнесена ветром на восток. Запас горючего иссяк. Серебрякова пошла на посадку и в темноте зацепилась за провода. Самолет врезался в землю.

С трех часов ночи до утра тяжело раненные девушки пролежали среди обломков машины. Утром их увидели дети. Вскоре девушек доставили в госпиталь.

Палата, куда поместили Серебрякову и Павлову, стала местом паломничества всех больных, медицинских сестер, врачей. Все удивлялись, что девушки летают ночью да еще при такой погоде, все старались их приласкать, подбодрить сердечным словом, теплой шуткой.

За успешное выполнение боевого задания в тяжелых метеорологических условиях и за проявленные при этом мужество и отвагу Серебрякова и Павлова были награждены орденом Красного Знамени.

По всему чувствовалось, что война идет к концу. В эти дни наши войска под командованием маршала Г. К. Жукова уже вели бои на ближних подступах к Берлину.

В апреле, когда полк базировался на аэродроме Бухгольц, северо-западнее Берлина, был получен Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении его орденом Суворова III степени.

Второго мая над германским рейхстагом взвилось наше красное Знамя Победы. Но экипажи Таманского полка еще продолжали тогда боевую работу, летали с бомбами на Свинемюнде — немецкий порт на Балтийском море. Сюда Ирина Себрова сделала свой последний — 1008-й боевой вылет, по числу вылетов опередив своих подруг.

Боевая жизнь полка закончилась 5 мая.

До Берлина он не долетел. А как все об этом мечтали!

Но все же нескольким экипажам удалось полетать над поверженной столицей «третьей империи».

— Это было третьего мая, — вспоминает Наталья Меклин. — Мы с Ирой Себровой летели днем по заданию. На обратном пути два наших маленьких ночных бомбардировщика пролетели над Берлином. Огромный город простирался на многие километры. Всюду видны дымящиеся развалины. Покружились над рейхстагом, пролетели над Бранденбургскими воротами, вдоль заваленных обломками улиц, над аэропортом...

Полк размещался в это время в небольшой деревушке Брунне, в благоустроенной усадьбе. Дни проходили в разговорах о будущем, в ожидании конца войны.

Вечером 8 мая по установленному порядку состоялась вечерняя поверка, отбой. Пропели Гимн Советского Союза и разошлись по комнатам. Многие рано улеглись спать. В вестибюле помещичьего дома осталась дежурная по

На подмосковном аэродроме. Подготовка к первому послевоенному воздушному параду (слева направо): Бершанская, Смирнова, Никулина, Парфенова, Амосова, Попова, Чечнева, Жигуленко, Меклин и Себрова

части старший техник эскадрильи Римма Прудникова. Она первая услышала голос московского диктора, возвестившего о капитуляции германской армии, о прекращении военных действий.

Мигом эта весть облетела всю усадьбу. Сон как рукой сняло. Все выбежали во двор, схватили винтовки и пистолеты. Тихая деревушка огласилась пальбой: девушки стреляли в воздух, салютуя победе.

Долго в ту ночь не смолкали разговоры.

— Не придется тебе, Ира, продолжать вторую тысячу вылетов!

— Да, выходит, что и бомбить больше некого!

— Эх, хорошо бы пролететь над Берлином, посмотреть на Знамя Победы над рейхстагом!

— А я предпочла бы пролететь над Москвой. Представляешь себе: светомаскировку сняли, горят фонари, ярко освещены окна и витрины, над Кремлем снова зажглись красные звезды, на улицах толпы народа, встречи, приветствия... Ах, Москва, Москва!

— А у нас завтра опять общий подъем, потом зарядка, потом завтрак, потом...

— Это в порядке вещей — ведь мы еще пока полк.

Девушки постепенно умолкли. У каждой — свои мысли, свои заботы, свои мечты о завтрашнем дне.

День Победы был отмечен в полку торжественным митингом. Гремело «ура». Девушки в своих выступлениях говорили о Коммунистической партии, организаторе и вдохновителе всех побед народа, о великой освободительной миссии Советской Армии. Говорили они и о своем гвардейском полку, с честью выполнившим свою задачу и со славой пронесшем свое боевое знамя.

Наконец-то можно было подумать и об отдыхе. Полк перевели в Альт-Резе — живописное курортное местечко под Ной-Бранденбургом, с чудесным озером, водной станцией, парком.

Сколько угодно гуляй, купайся, загорай! Устраивали спортивные соревнования, состязались в прыжках, беге, гранатометании, играли в волейбол, катались на велосипедах.

В день трехлетия пребывания полка на фронте к летчикам в гости еще раз приехал маршал Рокоссовский. Он не узнал девушек — они были в летних платьях, туфлях, загорели, отдохнули.

— Какая волейбольная команда считается у вас лучшей? — спросил маршал.

— Команда второй эскадрильи.

— Что ж, сыграем?

Образовались две команды: мужская — работники штаба командования фронтом во главе с маршалом и женская — волейболистки второй авиаэскадрильи.

Партнеры оказались достойными друг друга.

В начале августа, когда Советская страна готовилась торжественно отпраздновать День авиации, около десятка экипажей женского гвардейского полка по приказу командования вылетели в Москву для участия в первом послевоенном воздушном параде на Тушинском аэродроме. Летели они на своих боевых самолетах.

Возвратиться после войны в Москву победителями — этой мечтой жили все бойцы великой армии-освободительницы, все девушки из Гвардейского Таманского полка. И вот мечта осуществилась!

Ко Дню авиации из штаба полка были затребованы материалы для награждения наиболее отличившихся. В списке представленных к присвоению высокого звания Героя Советского Союза были летчицы Магуба Сыртланова, Марина Чечнева, Нина Худякова, Зоя Парфенова, Нина Распопова, Нина Ульяненко, Раиса Аронова, штурман полка Лариса Розанова и штурман Полина Гельман.

Эта девятка принадлежала к кадровому составу полка, к активным участникам всех его важнейших боевых операций. За исключением Магубы Сыртлановой и Ларисы Розановой, пришедших в полк членами партии, остальные начали войну комсомолками и уже на фронте, в боевой обстановке, были

приняты в ряды партии, достойно оправдав оказанное им доверие. К моменту окончания войны на счету каждой из них было от 700 до 800 ночных боевых вылетов.

Помимо отличной боевой работы, эта девятка выделялась в полку и своим активным участием в общественно-политической жизни коллектива, в воспитании молодых кадров.

Ходатайство командования о присвоении этим гвардейцам-таманцам звания Героя Советского Союза было удовлетворено.

8

Одержав победу, выполнив великую освободительную миссию, Советская Армия постепенно демобилизовывалась.

Страна ждала своих сынов и дочерей — воинов для творческого созидательного труда. Был получен приказ о демобилизации женщин из армии.

Наступили печальные и в то же время светлые дни расставания. Жалко было разлучаться с полком — как раньше с родной школой, родным домом...

Вот уже прошел прощальный вечер.

На следующий день открылось последнее в полку общее партийное собрание. Как оно было непохоже на первое партийное собрание, состоявшееся в начале 1942 года! Тогда в полку было 10—12 членов партии, а теперь их стало более 170. Тогда все кругом — и лица, и речи, и, казалось, самый воздух — дышало тревогой за судьбы Отечества, было полно сурового напряжения. А теперь солнце Победы расцветило мир праздничной радостью.

Последнее партийное собрание состоялось в исторический для полка день: ровно четыре года назад, 9 октября 1941 года, с согласия Верховного Командования Марина Раскова начала формирование женской авиационной части. Собрание подвело итоги пройденному пути.

Это были замечательные итоги.

Мало кому известный полк ночных легких бомбардировщиков стал прославленным Гвардейским Краснознаменным Таманским ордена Суворова III степени авиационным полком. Он сделал 25 тысяч боевых вылетов, сбросил на врага 3 миллиона килограммов бомб. Из рядов полка вышли 23 Героя Советского Союза, около 200 человек были награждены орденами и медалями СССР.

— Наш полк выполнил поставленную перед ним задачу, — говорила на партийном собрании Бершанская. — Он доказал, что советская женщина в грозное для Родины время может мужественно, стойко и самоотверженно, с оружием в руках защищать свою любимую Отчизну! Вступая в новый этап жизни, каждый из нас горит желанием учиться и работать на благо и процветание нашей Родины.

Так думали все.

И вот уложены вещи, получены демобилизационные документы.

— Что ж, дорогие друзья, мы так и расстанемся, разойдемся, как в море корабли, чтобы потом случайно где-нибудь встретиться на путях житейского моря? — сказала девушкам Евдокия Давыдовна Бершанская.

— Надо организовать ежегодные встречи однополчан, — предложила Оля Фетисова.

— Обязательно! Непременно! — понеслось со всех сторон.

— Где?

— В Москве, конечно, в сердце нашей Родины! Там будем встречаться, там будем отчитываться друг перед другом, как в своей мирной жизни поддерживаем честь нашего гвардейского полка.

Решено! Все довольны этим решением: бывшие таманцы будут встречаться ежегодно в Москве, 2 мая и 8 ноября, в сквере против Большого театра.

